

Р.М. ГОЛУБЕВ

**СОЦИАЛЬНО-КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ:
МЕЖДУ ФИЛОСОФИЕЙ И ПОЛИТИКОЙ**

В данной статье исследуется проблема взаимопроникновения и взаимовлияния философских и политических элементов в социально-критической теории, а также её специфическое отношение к политической сфере.

Ключевые слова: *социально-критическая теория, критическая теория, Франкфуртская школа, марксизм, политика*

Голубев Рудольф Михайлович - очный аспирант кафедры философии, истории и теории мировой культуры, Самарский государственный социально-педагогический университет. E-mail: goldrud@mail.ru

R.M. GOLUBEV

SOCIAL CRITICAL THEORY: BETWEEN PHILOSOPHY AND POLITICS

Abstract: *The article explores the problem of interpenetration and mutual influence of philosophical and political elements in the social critical theory, as well her specific relation to the political sphere.*

Keywords: *social critical theory, critical theory, Frankfurt school, Marxism, politics*

Rudolf M. Golubev - postgraduate student at the Department of Philosophy, History and Theory of Culture, Samara State University of Social Sciences and Education. E-mail: goldrud@mail.ru

Поднимаемая проблематика касается вопросов, которые насущны сразу для нескольких разделов современной философии - социальной философии, истории философии, теории познания, а также политической философии. Проблема взаимоотношений философии и политики имеет давнюю и сложную историю: для первой вторая зачастую становилась не только объектом анализа, но и некой внешней силой, оказывающей разнообразное воздействие в связи с включенностью философии в общую социальную структуру, в которой политика занимает наиболее влиятельное положение. В силу подобной неизбежной включенности она не всегда могла уклониться от разнообразных форм влияния внешних по отношению к ней общественных сфер, которые в то же время могут трактоваться ею как объекты для исследования. Однако и для политики философия становилась не только объектом возможного влияния, но и теоретическим источником. Таким образом, возникает двойственная ситуация.

Представляется, что для изучения социально-критической теории этот вопрос имеет отдельную значимость ввиду самого проблемного поля актуальной социальной философии, на уровне которого работает данное направление философии, а также его подчеркнутую критического отношения к социально-

политической ситуации. Всё это вкупе с крайне левыми политическими взглядами её авторов выделяет её даже в сравнении с политической философией как самостоятельным разделом, для которого политика является и вовсе основным объектом исследования.

Для начала необходимо пояснить, что именно мы понимаем под социально-критической теорией в настоящей статье: в первую очередь, это уже традиционно причисляемая к данному направлению Франкфуртская школа и ряд других философов и социологов, что близки к ней в своих самостоятельных, критически ориентированных изысканиях в социальной сфере. Несмотря на то, что данное широкое направление отличается эклектичностью влияний, в различных случаях оно причисляется к западному марксизму [25, с. 160], или же указывается на значительное его влияние [17, с. 629]. Отсюда вполне логично стоит начать с его основ - учения К. Маркса и Ф. Энгельса как собственно предтеч современной критической теории общества, что и будет произведено в свой черёд. Так или иначе, данное философское направление сосредоточено на обширном критическом анализе социальной действительности, исходя из левых взглядов её авторов. В силу последней причины и подразумевается гипотетическая политизированность подобных теорий, предваряющая или даже определяющая

щая критический научно-философский анализ.

Необходимо признать, что в рамках статьи полный анализ всего широкого спектра подобных теорий мало возможен. Поэтому мы, как минимум, постараемся на примере наиболее значимых фигур раскрыть основные характерные тенденции для данного направления.

Итак, попытаемся выявить, на каких именно уровнях социально-критическая теория непосредственно пересекается с политикой, как сферой социального бытия. Для этого обратимся к современным данным философии и политологии и уточним, как именно они трактуют политическую сферу и её отношения с другими социальными сферами.

В современной политологии определение политики крайне обширно, но в основном оно сводимо к властным взаимоотношениям в обществе по вопросу управления этим же самым обществом [14, с. 184]. Если же мы обращаемся к общим данным современной отечественной философии по вопросу политической сферы общества, то главным образом авторы также сходятся в том, что власть, управление и организация являются основными элементами зрелой политической сферы [17, с. 434]. Также обычно указывается важность идейных предпосылок, формирующих облик конкретных форм политической организации [5, с. 93-94]. И именно здесь находится одна из важнейших точек соприкосновения теории с политической практикой.

Однако, даже если социально-философская теория касается вопросов политического управления и организации общества с целью анализа, она априори «вторгается» на территорию политики, что, тем не менее, находится вполне в её компетенции в силу того, что она претендует на всесторонний анализ социального бытия, и сам факт «вторжения» не может ни под каким видом быть вменён ей в вину. Проблемным остаётся другой вопрос: насколько личные политические убеждения, предрассудки, влияние тех или иных общественно-политических событий оказывают решающее воздействие на авторов социально-критического направления, лишая их исследования определённой степени объективности, а их выводы общезначимости.

Как было указано выше, социально-критическая теория во многом берёт своё начало от учения Карла Маркса, которое и самим основателем, и его последователями истолковывалось и как научно-философское, и как социально-

политическое учение (не говоря уже об экономической составляющей).

Известно, что К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно подчёркивали свою социально-политическую ангажированность. Они тесно увязывали своё учение с социально-политической ситуацией, более того трактовали его как пролог к будущему практическому преобразованию социальной действительности. Это доказывается целым рядом цитат, начиная от программных тезисов и заканчивая частной перепиской. Приведём лишь некоторые из них: «В практике должен доказать человек истинность, т.е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления» [8, с. 1]. В одном из писем Арнольду Руге Маркс пишет о союзе философии и политики: «Это единственный союз, благодаря которому теперешняя философия может стать истиной» [9, с. 375]. Или уже в другом письме тому же адресату: «Ничто не мешает нам, следовательно, связать нашу критику с критикой политики, с определённой партийной позицией в политике, а стало быть, связать и отождествить нашу критику с *действительной борьбой*» [7, с. 381].

Стоит отметить, что Маркс говорит не о примате одного над другим, но о плодотворном союзе. Помимо того он стремился создать теорию, которая соответствовала бы критериям научности. Последнее воплотилось позднее в теории так называемого исторического и диалектического материализма. Однако в XX веке марксисты и неомарксисты наиболее пристально внимание сосредотачивают на гуманистической составляющей марксистского учения (особенно в социально-критической теории). Подобная тенденция встречала сопротивление, причём не только в лице догматиков. В частности неомарксист Л. Альтюссер пытался вернуть социализму и марксизму его наукообразную обоснованность, протестуя против восприятия их в русле гуманистической идеологии (трактуя её именно как идеологию) [1, с. 316]. Справедливости ради стоит отметить, что подобные ревизии становятся необходимы и возможны опять-таки из-за внешних для теории политических факторов (очередное изменение отношения к СССР в Западной Европе в 60-х гг.).

В аутентичном виде марксова теория претендует быть ничем иным, как изложением объективных законов социально-исторического развития, а, следовательно, политическая теория, состоящая в союзе с подобной научно-философской базой, в свою очередь претендует на пер-

венство среди конкурентов, поскольку она в наибольшей степени близка к объективной реальности. Однако в таком случае остаётся открытым вопрос не только числа сторонников, но и степени признания значимости предлагаемой научно-философской базы в академической среде.

Теперь что касается Франкфуртской школы, благодаря которой термин «социально-критическая теория» вошёл в философский оборот. Большинство исследователей сходится во мнении, что их вариант марксизма - это попытка отстраниться от политической составляющей учения, сохранив лишь критико-философскую [2]. Некоторые дают следующую характеристику их деятельности: «социально-научная работа с ярко выраженной революционной, хотя и политически размытой ориентацией» [22, с. 301]. Таким образом, в силу самой теоретической основы в их философии сохраняется заметный политический компонент, но при этом он подвергается размыванию.

Для большинства представителей западного марксизма, идиосинкразия к политизированности, очевидно, возникла в силу советского опыта воплощения марксизма. Однако при этом по-прежнему сохранялась активная критика господствующей капиталистической системы, обеспеченной существующими политическими отношениями.

Основатели Франкфуртской школы М. Хоркхаймер и Т. Адорно в одном из своих набросков характеризуют положение философии следующим образом: «...она является одновременно и чуждой существующему, и отзывчивой к нему» [23, с. 296]. Это красноречивое заявление справедливо и в отношении политической сферы. Немного ранее они дают и частное определение философии: «Философия является не синтезом, фундаментальной или венчающей здание человеческого знания наукой, но усилием противостоять суггестии, решимостью к интеллектуальной и действительной свободе» [23, с. 295]. Одна из важнейших для них идей - философия как критическое мышление, противостоящее социальному давлению, которое наиболее выражено именно в политических средствах. Философия в теории ставится в условия противопоставления существу (в его социальном выражении), тем самым стремясь к независимости суждений об этом самом существе, а также должном (возможном).

Обращаясь к некоторым биографическим подробностям из жизни теоретиков,

можно обнаружить практически везде непосредственный травматический опыт, связанный с политическими событиями. Для наиболее знаковых фигур Франкфуртской школы в силу чувства определённой личной их причастности к трагедиям, связанным с нацистским режимом в Германии (еврейское происхождение основных представителей, их вынужденная эмиграция), важнейшими проблемами становятся проблемы тоталитаризма и авторитаризма, антисемитизма, а также само происхождение фашистской идеологии, корни которой основатели школы изыскивают в торжестве рациональности и искажённом европейском Просвещении (при этом отсчитывая его от мифа об Одиссее) [23, с. 61]. Таким образом, критика фашизма становится насущной для них не только в силу приверженности левым взглядам.

В то же время примечательно, что в теориях Франкфуртской школы и у феномена фашизма, и у основных принципов функционирования развитого капиталистического общества единые корни. То есть аналогии у читателей должны напрашиваться сами собой. Таким образом, их критика поражает сразу две цели: фашизм (в обобщённом виде, как воплощённая крайность правых настроений в обществе) и развитый капитализм (второй половины XX века), иначе говоря, извечных политических оппонентов крайних левых идеологий. Именно так выглядит ситуация, если взглянуть на неё через политическую призму. Однако всё не так просто.

Для большинства представителей той же Франкфуртской школы вопрос их «левизны» есть скорее вопрос моральный, нежели чисто политический. Помимо того, несмотря на пристальное внимание отдельных представителей социально-критической теории к политической сфере, стоит отметить и такой факт, что значительная часть из них не выдвигает конкретные политические тезисы или политические программы, практически не участвует в какой-либо деятельности открытого политического характера. Основное их внимание всё же концентрируется на уровне рефлексии отдельных интеллектуалов над социально-политическими процессами и их историческими корнями, подобно тому, как это происходило и у других левых мыслителей XX века - Ж.П. Сартра, Ж. Делеза, Ж. Деррида, М. Фуко, которого некоторые специалисты всё же относят к социально-критической теории [18, с. 48].

Ещё один важный момент: для основателей школы свойственно не только

отстранение от практико-политической составляющей критики, но и определённый пессимизм [13, с. 23-24], который отбрасывает тень на значительную часть их идей, в связи с чем они скептически оценивают все потуги изменить существующую ситуацию, в том числе социально-политическую. И здесь уже философия определяет отношение к политике.

При всём том их теории, созданные с высокой степенью убедительности и аргументированности, лёгкие на благодатную почву послевоенного мира, сыграли свою роль и были восприняты некоторыми левыми движениями, преимущественно радикального толка, как некая предпосылка, теоретическая основа для их политических программ и политической борьбы. Другими словами в некотором смысле они сформировали политическое сознание определённых групп, в частности, «новых левых».

Для подобных последователей свойственно рассмотрение всех проблем через политическую призму из-за убеждённости, что она пронизывает абсолютно все общественные отношения. Что характерно, подобные движения провозглашают принципиальные цели и идеи, но при этом формулируют отказ от конкретных социально-политических программ [16, Т. 2, с. 54], то есть внятных способов достижения своих целей (в этом они отчасти близки к традиционным формам утопии). В то же время в этом они вполне следуют «своим» теоретикам и, в первую очередь Г. Маркузе, который, пожалуй, является наиболее политизированным из разбираемых нами авторов.

Исследователи биографии и наследия Маркузе утверждают, что сначала он увлёкся радикальными политическими идеями и даже состоял в СДПГ (Социал-демократическая партия Германии) [24, с. 14] и лишь затем пришёл к литературе и философии, а также к теоретическому обоснованию своих политических убеждений. В данной связи вполне целесообразным выглядит и позднейшее его тяготение к левацкой среде, и публичное обращение к политическим группам и активистам, несмотря на то, что он, вторя основателями школы, отказывается от роли их «идеологического вождя» [10]. Но признаёт это движение своим («...я говорю *наше* - движение») [10]. Таким образом, для него актуальные политические явления становятся не только важной отправной точкой (на которые он отзывался, в том числе, и в своей теории), но и неотрывной частью самой его теории. И не будет чрезмерным допущением ото-

ждеством (в его конкретном случае) критическую теорию общества с его собственными политическими убеждениями, транслируемыми на широкую публику. Это является его важным отличием от основателей школы.

Характерно, что Маркузе чаще своих соратников фигурирует именно как политический теоретик [14, с. 144; 3, с. 308], в то время как Хоркхаймера, Адорно, Фромма, если и касаются в подобном контексте, то чаще всего опосредовано. И, действительно, он, пожалуй, наиболее близок к идее практико-политической ориентации философии. В сущности, он развил основные понятия теории (которые до того, по большей части, просто выдавали безжалостную характеристику существующей действительности), популяризировал и дал им наиболее конкретизированное приложение, а левым движениям - нечто, напоминающее программу действий (стоит сказать, весьма размытую). Наиболее полно она воплощена в идее Великого Отказа - как «протест против существующего» [12, с. 82].

При всём этом существует ещё одна любопытная деталь. Постановка основного вопроса статьи по логике вещей должна перенести вопрошающего на поле сугубо академической философии и науки. Однако социально-критическая теория в лице всё того же Маркузе определяет своих оппонентов в научно-философской сфере через придание им политического и идеологического характера в их «подлинных» целях и функциях, к которым они стремятся или которые они выполняют во благо господствующей социально-политической ситуации [12, с. 141-142, 149]. По сути, они обвиняют своих оппонентов всё в той же политической ангажированности, только теперь обеспечивающей существующий порядок вещей, а не оспаривающей оный.

Тем самым, вольно или невольно, теоретики всё равно оказываются на поле около политической полемики. Сами авторы говорят о всепроникающей политизированности и в то же время о впитывании самой политической сферой чужеродных элементов. В таком случае любая попытка анализа социальных структур превращается в политическое высказывание. Несмотря на то, что отчасти разные позиции обусловлены искренней убеждёностью противостоящих сторон, что именно их концепция наиболее близка к объективному отражению существующего порядка вещей, мы вынуждены отметить: в подобной полемике оппоненты нередко покидают сугубо

научно-философское поле и действуют уже в сфере политических споров. Первоочередная цель в таких спорах - скорее утилитарное обоснование и подтверждение выдвигаемых положений в практических интересах, а не обнаружение истины, и в подобных случаях все средства идут в ход вне зависимости от соотношения их с объективной реальностью.

Что же касается непосредственно социально-критических теорий, мы вынуждены констатировать тот факт, что к их истолкованию исключительно как политизированных теорий склонны по большей части или их оппоненты, по видимому, с целью определённой дискредитации, или же их наиболее радикальные последователи. Большинство же исследователей занимает срединную позицию, пытаясь трезво оценить политический компонент в социально-критической теории.

Однако и условные оппоненты данной теории (например, П. Готфрид [6, с. 112], П. Бьюкенен [4, с. 114-115]), и авторы из левого лагеря (П. Андерсон) [2] отмечают, что основное внимание критиков (как и ряда других марксистов XX века) сосредоточено на культуре, а не на политике или экономике. Исходя же из концепции критической теории, культура становится не только прирученным элементом современного общества [11, с. 76], но также скрывает в себе протестный потенциал, позволяющий противостоять господствующей действительности (которая в концентрированном виде представлена социально-политически). И Великий Отказ, о котором говорит Маркузе, берёт своё начало в художественном творческом акте. Культура приобретает дополнительное значение и в других левых критических концепциях (например, ситуационистские художественно-политические акты).

В контексте основной проблемы статьи важна также фигура Хабермаса - наследника Франкфуртской школы. Автор, который помимо своей философской и социологической деятельности также является активным политическим публицистом (например, такие работы как «Политические работы», «Расколотый Запад», «Вовлечение другого. Очерки политической теории» и др.) [19, 20, 21], ратует за широкую политическую дискуссию в обществе и политическое просвещение общества [3, с. 332] и сам способствует распространению своих политических убеждений (социал-демократических [15], идеи единства Европы [21, с. 76]). Представляется несомненным, что его поли-

тические убеждения оказали значительное влияние на его философию. Они претерпевали изменения на протяжении его жизни, провоцируя изменения в философской теории. При этом его теория куда более оптимистична в отличие от идей его предшественников, и он в целом склонен к реформизму и социальному прогрессу, а не к революционному пути преобразований или к отказу от социально-политической активности. Разительно отличается его философия и от старших представителей Франкфуртской школы. Так, он, как никто другой из критиков, уповает на возможности социального диалога и консенсуса, которые опираются на его ключевую идею о теории коммуникативного действия.

Несмотря на то, что невозможно с окончательной убеждённой разграничить политическую и философскую составляющую исследуемых теорий, во всяком случае, в узких рамках статьи, мы можем подвести некоторый итог.

Социально-критическая теория действительно имеет тесную связь с политической сферой общества, последняя во многом определяет для теории главный круг проблем, как в силу внутренних особенностей теории, так и в силу того, что данная социальная сфера в XX веке, а теперь и в XXI, действительно, пронизывает практически все общественные отношения и приобретает характер вездесущности.

Мы продемонстрировали в «срезанном» виде, как то или иное отношение к политической сфере жизни общества (от декларативной отрешённости и отказа от участия в социально-политической деятельности до активного интереса и практического вмешательства) тех или иных теоретиков социально-критического направления формировало облик и внутренние положения их теории. Также весьма красноречивым является факт, что именно создатели условно «пессимистических» теорий дистанцировались от политической составляющей или предлагали весьма размытую политическую программу действий. Теоретики же, уповающие на позитивные возможности, скрытые в обществе, менее индифферентны к политической сфере.

Социально-критическая теория, несмотря на попытку дистанцироваться от ассоциирования с марксизмом как социально-политическим учением, по мнению многих исследователей, вполне продолжает его деятельность. В то же время мы можем выделить важную специфическую черту критической теории общества в сравнении с другими левыми

теориями наследующими марксизм: её изначальную попытку отмежеваться от конкретной и вполне определённой политической позиции. Тем самым теория стремится поместить себя над полем конкретно политической полемики с целью формирования нового понимания философии как особого критического знания об общественном устройстве. Однако в силу специфичности и неоднородности теории возникает странное несоответствие: она крайне размывает собственную политическую составляющую, что даёт излишний простор для различных трактовок.

Список литературы

1. Альтюссер Л. За Маркса. - М.: Практис, 2006. - 392 с.
2. Андерсон П. Размышления о западном марксизме. - URL: http://scepisis.net/library/id_1824.html#a1 (дата обращения: 21.01.2016).
3. Бессонов Б.Н. и соавт. Социальная философия Франкфуртской школы (Критические очерки). - М.: Мысль, 1975. - 359 с.
4. Бьюкенен П. Смерть Запада. - М.: АСТ, 2003. - 444 с.
5. Гобозов И.А. Философия политики. - М.: ТЕИС, 1998. - 155 с.
6. Готфрид П. Странная смерть марксизма. - М.: ИРИСЭН; Мысль, 2009. - 249 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. - М.: Госполитиздат, 1955. - 663 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. - М.: Госполитиздат, 1955. - 650 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 27. - М.: Госполитиздат, 1962. - 746 с.
10. Маркузе Г. К ситуации новых левых (Выступление Маркузе от 1968 г.). - URL: http://scepisis.net/library/id_2570.html (дата обращения: 15.01.2016).
11. Маркузе Г. Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной критике. - М.: АСТ; Астрель, 2011. - 382 с.
12. Маркузе Г. Одномерный человек. - М.: REFL-book, 1994. - 368 с.
13. Михайлов И.А. Макс Хоркхаймер. Становление Франкфуртской школы социальных исследований. Ч. 2: 1940-1973 гг. - М.: ИФ РАН, 2010. - 294 с.
14. Новейший политологический словарь / Авт.-сост. Д.Е. Погорельый, В.Ю. Фесенко, К.В. Филиппов. - Ростов н/Д: Феникс, 2010. - 318 с.
15. Плотников Н. Власть аргумента и public relations: 70 лет Хабермасу. - URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_08/1999_8_12.htm (дата обращения: 13.02.2016).
16. Политическая энциклопедия, в 2-х тт. - М. Мысль, 1999. - 1500 с.
17. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. - М.: Республика, 2001. - 719 с.
18. Фурс В.Н. Критическая социальная теория в западной философии 70-90 гг. XX века: Типологическая реконструкция. - Дис. ... док. фил. наук: 09.00.03, 09.00.11. - СПб., 2002. - 335 с.
19. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. - СПб.: Наука, 2001. - 417 с.
20. Хабермас Ю. Политические работы. - М.: Практис, 2005. - 368 с.
21. Хабермас Ю. Расколотый Запад. - М.: Издательство «Весь Мир», 2008. - 192 с.
22. Ханс Й., Кнебель В. Социальная теория: двадцать вводных лекций. - СПб.: Алетейя, 2011. - 840 с.
23. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. - М.: Медиум; СПб.: Ювента, 1997. - 312 с.
24. Kellner D. Herbert Marcuse and The Crisis of Marxism. - Berkley; Los Angeles: University of California Press, 1984. - 505 p.
25. Kellner D. Western Marxism / Modern Social Theory: An Introduction. - Oxford, UK: Oxford University Press, 2005. - 154-174 pp.